

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

О влиянии Византии на семейный быт русского общества

Опубликовано:
Христианское чтение. 1881. № 3-4. С. 354-362.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

О вліянні Византії на семейный бытъ русскаго общества.

(Рѣчь, сказанная 18 января 1881 г. преподавателемъ самарской духовной семинаріи Д. Н. Дубакинмъ предъ публичною защитою магистерской диссертациі: «Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія «Домостроя»).

Предметъ моего изслѣдованія имѣеть двѣ стороны: сторону культурную, гражданскую и сторону церковно-историческую.

Вопросъ о культурномъ значеніи Византіи по отношенію къ русскому обществу вообще уже затрогивался въ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ: напримѣръ: въ изслѣдованіи Иконникова и отчасти въ сочиненіи Забѣлина. но затрогивался безъ связи съ церковно-историческимъ значеніемъ Византіи. Поэтому приподнять бытъ только одинъ край завѣсы, закрывавшей отъ насъ времена далекаго прошлаго, чрезъ который видима была по большей части только одна неблагоприятная сторона вліянія такъ называемаго „византизма“ на русское общество. Ученые обратили вниманіе только на одну сторону Византіи, съ ея разлагавшимся обществомъ, съ упадкомъ культуры, но не выдѣлили при этомъ ничѣмъ непреодолимой силы христіанства, которымъ Византія превосходствовала предъ соседними языческими народами. При этомъ не обращено было достаточно вниманія также и на то весьма важное историческое явленіе, что Византія, благодаря трудамъ греко-римскихъ юристовъ, для всѣхъ частей жизни, не исключая и семейной, выработала такую ясную и обстоятельную регламентацию, что кодексы византійскаго или, такъ называемаго, греко-римскаго права долгое время служили въ качествѣ руководительныхъ началъ даже для западныхъ юристовъ.

И старался объять въ своемъ изслѣдованіи обѣ стороны вопроса о вліяніи христіанства на семейный бытъ русскаго общества: сторону культурную, гражданскую и сторону церковнаго характера. Поэтому очень естественною является въ моемъ изслѣдованіи нѣкоторая, такъ сказать, двойственность въ воззрѣніяхъ.

Но эта двойственность — на самомъ дѣлѣ только видимая. Понятно, что христіанство само по себѣ, кромѣ благотворнаго вліянія, другаго дѣйствія не могло оказать на семейный бытъ русскаго общества. Сомнѣваться въ этомъ значило бы подрывать самую основу христіанства. Но такъ какъ церковь Христова на землѣ состоитъ изъ членовъ, имѣющихъ свои индивидуальныя особенности, которыя различнымъ образомъ проявляются во внѣ, въ жизни, то, слѣдовательно, во внѣшней сторонѣ церкви, помимо догматическихъ сторонъ, могутъ быть вліянія разностороннія. Слѣдовательно, если христіанство само по себѣ, своимъ внутреннимъ содержаніемъ могло и должно было имѣть вліяніе на семейный бытъ русскаго общества только одно положительное, то, съ внѣшней стороны, Византія, изъ которой перешло въ Россію христіанство, могла иногда, не смотря на христіанскія понятія своихъ членовъ, имѣть вліянія и другаго рода. Чтобы остаться вѣрнымъ исторической справедливости, я не могъ совершенно закрывать своихъ глазъ тамъ, гдѣ видѣлъ неблагопріятныя стороны вліянія христіанской Византіи на семейный бытъ русскаго общества. И вотъ причина нѣкоторой видимой двойственности воззрѣній, въ которой могутъ упрекнуть мое изслѣдованіе. Этой двойственности, конечно, не было бы, если бы я сталъ разсматривать свой вопросъ *in abstracto*. безотносительно къ жизненной средѣ Византіи и Руси.

Обращаясь къ культурной сторонѣ вопроса, ко вліянію христіанской Византіи на семейный бытъ русскаго общества, я считаю вужнымъ замѣтить слѣдующее.

Что бы ни говорили относительно разложенія византійскаго общества и упадка Византіи въ культурномъ отношеніи ко времени принятія русскими христіанства, несомнѣнно однакоже то, что Византія и въ это время въ культурномъ отношеніи стояла

гораздо выше вообще малообразованнаго русскаго языческаго общества. Итътъ, поэтому, основаній особенно удивляться широкому вліянію Византіи на семейный бытъ русскаго общества. Во время работы надъ своимъ изслѣдованіемъ я, конечно, не могъ вполне прослѣдить культурнаго вліянія Византіи на семейный бытъ русскаго общества въ параллели съ такимъ же вліяніемъ ея на западъ. Подобнаго рода работа не входила въ планъ моего изслѣдованія. Но для себя лично и въ качествѣ предварительной работы, я по частямъ, для уясненія своего взгляда на избранный предметъ изслѣдованія, знакомился и съ этою стороною вопроса. Изъ этого же знакомства я успѣлъ вывести убѣжденіе, что Византія осталась не безъ вліянія въ культурномъ отношеніи на семейный бытъ даже западно-европейскаго общества. Это византійское вліяніе на западъ въ дѣлѣ семейнаго быта, довольно замѣтно проявившеся со стороны юридической, отразилось въ отрицательномъ смыслѣ даже тамъ, гдѣ меньше всего его можно было ожидать.

Извѣстенъ вообще высокій взглядъ на женщину у романскихъ народовъ, у которыхъ почитаніе женщины въ рыцарствѣ выразилось даже въ особомъ культѣ служенія избранной дамѣ сердца. Тѣмъ не менѣе мрачныя византійскіе взгляды на женщину оказались не безъ вліянія и на романскіе народы. Слѣдя за развитіемъ взглядовъ на женщину въ произведеніяхъ древней русской письменности въ связи съ культурнымъ вліяніемъ на этотъ вопросъ Византіи, я, между прочимъ, отчасти знакомился со взглядами на женщину и у романскихъ народовъ. При этомъ я натолкнулся на самое неожиданное на первыхъ порахъ явленіе. Въ новеллахъ Боккачіо, Поджіо Браччіоліни и другихъ итальянскихъ и французскихъ новеллистовъ по преимуществу конца среднихъ вѣковъ я встрѣтилъ филиппики, направленныя противъ женщинъ, весьма близкія по содержанію и по формѣ къ такимъ же филиппикамъ въ греческихъ и русскихъ редакціяхъ византійской „Пчелы“ и въ произведеніяхъ русскихъ внижниковъ, извѣстныхъ подъ заглавіемъ „главы о злыхъ женахъ“. Отыскивая ключъ къ пониманію такого неожиданнаго для меня на первыхъ порахъ явленія, я въ объясненіи этого явленія остановился на слѣдующемъ.

Литературная связь между востокомъ и западомъ, воздѣйствіе Византіи на западъ, проходя чрезъ всю средневѣковую исторію, въ особенности уясняются къ концу среднихъ вѣковъ, со времени, такъ называемой, эпохи возрожденія наукъ и искусствъ на западѣ. Самая же эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, по общепринятому мнѣнію, началась въ Италіи и вообще въ западной Европѣ подъ вліяніемъ сильнаго наплыва туда греческихъ ученыхъ, тѣснимыхъ въ своемъ отечествѣ, Византіи, турками. Эти же греческіе ученые, при переселеніи на западъ, по преимуществу въ Италію, изъ Византіи, своего перваго отечества, приносили съ собою не только давно забытыя классическія литературныя произведенія древности, но также иногда, въ силу самой простой естественности, захватывали съ собою и современные, или близкія къ нимъ по времени общераспространенныя литературныя произведенія Византіи. Такимъ же образомъ могла быть перенесена изъ Византіи въ Италію бѣжавшими туда греческими учеными и византійская „Пчела“. Глава же Пчелы „о женахъ“ по оригинальности своихъ взглядовъ на женщину и по своей пикантности, если можно такъ выразиться, могла возбудить собою любопытство, заинтересовать собою итальянскихъ и отчасти французскихъ писателей такъ называемой легкой литературы. Подобнаго же рода писатели не упустили случая воспользоваться этою главою въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Здѣсь и лежитъ, по моему мнѣнію, ключъ къ разгадкѣ филиппикъ, направленныхъ противъ женщинъ, въ произведеніяхъ западныхъ новеллистовъ.

Но взгляды византійской „Пчелы“, приносящія женщину на западѣ не могли имѣть и дѣйствительно не имѣли широкаго вліянія и приложенія по отношенію къ семейному быту. На западѣ такіе мрачные взгляды на женщину, какіе можно встрѣтить въ новеллахъ Боккачіо, Поджіо Браччюлини и въ произведеніяхъ другихъ новеллистовъ, являются настолько же рѣдкими и одинокими, какъ у насъ, на Руси, противоположные взгляды, именно потому, что тамъ они парализовались совершенно другими, національными взглядами на женщину. Затѣмъ, взгляды византійской „Пчелы“ на женщину не могли имѣть болѣе или менѣе за-

хѣтнаго вліянія на семейный бытъ западно-европейскаго общества благодаря также тому обстоятельству, что на западѣ къ этому времени была уже своя собственная, довольно развитая культура, и, наконецъ, благодаря тому особому положенію, какое онѣ занималъ по отношенію къ Византіи. Именно: западъ чувствовалъ себя болѣе свободнымъ и не считалъ себя настолько въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Византіи, какъ Русь.

У насъ, на Русь, замѣчается на первыхъ порахъ совершенно другое явленіе. Русь по отношенію къ Византіи, въ силу историческихъ обстоятельствъ, была поставлена въ другое совершенно положеніе, чѣмъ западъ. Русскіе изъ Византіи приняли христіанство, и церковь русская долгое время находилась въ зависимости отъ своей митрополіи, церкви константинопольской. Затѣмъ, русское общество въ періодъ языческаго своего состоянія не имѣло у себя такой развитой культуры, какую имѣлъ уже западъ, и Русь со времени введенія христіанства долгое время питалась интеллигентными силами Византіи. Слѣдовательно, въ Русь вліянію Византіи открывался самый широкій просторъ. Византіи здѣсь своею культурою по большей части пришлось не вытѣснять что нибудь, что для Византіи въ то время, по ея собственному положенію, было не совсѣмъ удобно, а пришлось занимать и наполнять собою по преимуществу пустыя мѣста. Самые даже слабыя стороны византійской культуры очель легко и удобно воспринимались русскими по тѣсной связи съ христіанствомъ, которое принесено было къ намъ изъ Византіи.

Самая важная сторона преимущества Византіи предъ Русью заключалась въ христіанствѣ, или, лучше сказать, въ восточномъ православіи Византіи. Въ сохраненіи православія восточной церкви посреди разнаго рода невзгодъ и бѣдствій заключается всемірно-историческая заслуга Византіи. Въ томъ же обстоятельствѣ, что это восточное православіе Византія передала Русь чистымъ и незапятнаннымъ заключается ни съ чѣмъ несравнимая услуга Византіи по отношенію къ Русь. Зная это, русское общество могло заимствоваться изъ Византіи по всѣмъ насущнымъ вопросамъ, не

боясь за чистоту источника, византийской церкви, въ догматическомъ отношеніи.

Что касается церковно-исторической стороны вопроса въ моемъ изслѣдованіи, въ этомъ отношеніи я считаю нужнымъ отмѣтить слѣдующее:

Вліяніе христіанства изъ Византіи на русское общество начало проявлять свое воздѣйствіе уже въ то время, когда довольно замѣтно выяснилась и опредѣлилась разность въ направленіяхъ западной церкви и восточной. Обѣ церкви вполне чувствовали и сознавали свое внутреннее родство по единству своего происхожденія и по единству своей ближайшей цѣли—вести своихъ членовъ къ единенію со Христомъ. Восточную церковь и западную въ этомъ отношеніи можно назвать двумя родными сестрами, но съ разными личными характерами. Позволю себѣ для выясненія разности въ направленіяхъ западной церкви и восточной взять сравненіе изъ Евангелія. Западная церковь напоминаетъ своимъ практическимъ направленіемъ одну сестру Лазаря, Мароу; восточная же церковь своимъ созерцательнымъ направленіемъ напоминаетъ другую сестру Лазаря, Марію. И Марѳа и Марія были одинаково преданы Христу; и та и другая желали чѣмъ нибудь и вовнѣ выразить свою преданность и любовь ко Христу при посѣщеніи ихъ дома. Но эта преданность, эта любовь ко Христу, сообразно съ личными характерами сестеръ, выразилась различнымъ образомъ: у Марѳы—въ хлопотливости, внѣшней заботливости, у Маріи—во внутренней преданности, въ стремленіи быть ближе ко Христу, въ покойномъ созерцаніи Его Божественнаго Лица. Это-то стремленіе Маріи быть ближе ко Христу, созерцать Его Божественное Лицо и можетъ какъ нельзя лучше характеризовать собою сущность направленія восточной церкви.

Отличительною чертою человѣка съ созерцательнымъ характеромъ служитъ постоянное его углубленіе въ самого себя. Для этого требуется покойное состояніе и настроеніе и удаленіе отъ человѣка всего того, что можетъ какимъ бы то ни было образомъ нарушать этотъ покой, отвлекать человѣка отъ внутренняго міра созерцанія къ предметамъ міра внѣшняго. Жизнь брачная, семейная, полная

всякаго рода заботъ и тревоженій, уже потому самому, что носитъ въ себѣ неизбежные элементы дѣятельности, нарушающіе покой, не соотвѣтствуетъ характеру созерцательнаго направленія. Покойному настроенію человѣка, углубляющагося въ самого себя, человѣку съ созерцательнымъ характеромъ ближе всего соотвѣтствуетъ отрѣшеніе отъ всего земнаго, отъ всего внѣшняго.

Въ соотвѣтствіе съ созерцательнымъ направленіемъ восточной церкви, въ Византіи и имѣла широкое развитіе жизнь безбрачная. монашество. Изъ монастырей Византіи, въ которые отъ соблазновъ міра удалялись избранныя лица, спеціально посвятившія себя созерцательному покою, какъ самой удобной формѣ жизни угодить Богу, и стала съ необыкновенною силою раздаваться проповѣдь объ аскетизмѣ, какъ противовѣсъ нравственно испорченному византійскому обществу. Явленіе это вполне понятно. Проповѣди объ аскетизмѣ, о полномъ нравственномъ господствѣ духа надъ тѣломъ, надъ внѣшнимъ міромъ, всего естественнѣе было явиться тамъ, гдѣ, подъ влияніемъ особахъ физическихъ условій, внѣшній міръ постоянно стремится поработить собою внутренній, гдѣ плоть человѣка постоянно заявляетъ притязанія на господство надъ духомъ. Это-то именно аскетическое направленіе, получившее широкое развитіе въ Византіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи было перенесено и въ Русь. Но въ этомъ обстоятельствѣ нельзя видѣть явленія случайнаго. Широта влияния созерцательныхъ идей на русское общество, популярность проповѣди объ аскетизмѣ въ Русѣ возникали съ логическою необходимостью изъ самаго состоянія русскаго языческаго общества.

Византія и Русь въ отношеніи къ проповѣди объ аскетизмѣ были поставлены въ довольно близкія и однородныя условія. У византійцевъ господство плоти надъ духомъ лежало въ природѣ восточнаго человѣка. Слѣдовательно, борьба съ плотію, стремленіе дать торжество духу надъ плотію, требовавшее отъ человѣка усиленнаго напряженія, въ Византіи получали особенную цѣнность и значеніе и имѣли въ глазахъ общества великую спасительную силу, какъ вообще великій подвигъ самоотверженія. У русскихъ въ ихъ языческомъ состояніи полное преобладаніе внѣшнихъ началъ надъ

внутренними, полное господство плоти надъ духомъ лежали въ самомъ принципѣ, въ грубомъ пониманіи человѣческой жизни. Слѣдовательно, въ Руси торжество духа надъ плотію, полный аскетизмъ являлись еще болѣе цѣнными, чѣмъ въ Византіи, потому что въ Руси для послѣдовательнаго проведенія аскетическихъ началъ въ жизнь требовался еще болѣе усиленный подвигъ. Для этого, при быстромъ переломѣ языческихъ понятій на христіанскія, въ Руси вдругъ нужно было пересоздать всю природу чело-вѣка и главнымъ образомъ внутренній міръ возрѣвшаго.

По отношенію къ влиянію проповѣди объ аскетизмѣ на общество Русь была поставлена даже въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ самая Византія, откуда первоначально вышла и самая проповѣдь. Эти благоприятныя условія возникли въ особенности со времени татарскаго ига, подъ влияніемъ бѣдствій этого ига. Вотъ почему аскетическое направленіе въ Руси сдѣлалось господствующимъ въ разсматриваемый въ моемъ изслѣдованіи періодъ времени во всѣхъ сферахъ жизни и опредѣляло собою пониманіе всѣхъ жизненныхъ отправленій. Выясненію причинъ господства аскетическихъ идей и опредѣленію слѣдствій мироваго развитія этихъ идей по отношенію къ семейному быту русскаго общества по XVI-й вѣкъ и посвящена большая часть моего изслѣдованія. На этой сторонѣ вопроса, какъ самой существенной въ моемъ изслѣдованіи, я счелъ нужнымъ остановиться во время своей работы по преимуществу потому, что этимъ явленіемъ въ русской жизни, по моему мнѣнію, въ большинствѣ случаевъ опредѣлялся весь складъ въ характерѣ семейнаго быта русскаго общества, который окончательно формулированъ былъ и догматизированъ, если можно такъ выразиться, въ извѣстномъ литературномъ памятникѣ XVI-го вѣка — „Домострой“.

Нѣсколько вѣрно понялъ я задачу своего изслѣдованія и нѣсколько правильно успѣлъ ее рѣшить, объ этомъ конечно судить не мнѣ. Вполнѣ понимаю, что, какъ первый опытъ, мое изслѣдованіе не чуждо промаховъ и недостатковъ. Специалисты же той науки, въ области которой я работалъ, могутъ находить промахи и недостатки даже въ тѣхъ частяхъ моего изслѣдованія, гдѣ я ихъ совершенно не предвижу. Смиренно впишусь заранѣе въ нихъ,

но, въ оправданіе себя отъ всякихъ осужденій, скажу: „homo sum“, а „ergate humanum est“.

Димитрій Дубакинъ.

Въ своей диссертациі г. Дубакинъ защищалъ слѣд. тезисы: 1) Вопросъ о вліяніи христіанства неразрывно связанъ съ вопросомъ о вліяніи византійской культуры на семейный бытъ русскаго общества; 2) славяно-русская языческая семья предполагаетъ сильную власть главы (старшаго члена) надъ всѣми остальными членами семьи; 3) христіанство въ Россіи своими внутренними содержаніемъ повліяло на нравственную сторону отношеній членовъ семьи другъ къ другу; культурное же значеніе Византіи проявилось во вѣншей, юридической сторонѣ; 4) христіанство, вслѣдствіе быстроты распространенія, упругости нашихъ предковъ и неподготовленности проповѣдниковъ, въ домонгольскій періодъ и даже въ послѣдующее время не могло окончательно искоренить языческихъ воззрѣній въ семейномъ бытѣ русскаго общества; 5) въ вопросѣ о значеніи татарскаго ига прямое и непосредственное вліяніе татарскихъ семейныхъ началъ на семейный бытъ русскаго общества является недоказаннымъ; 6) но посредственно татарское иго, какъ общественное бѣдствіе, придавъ мысли о непрочности всего земного особенную силу и неотразимость, тѣмъ открыло мѣсто одностороннему пониманію и широкому вліянію религіозныхъ аскетическихъ идей; 7) высокое общественное и просвѣтительное значеніе монастырей въ древней Руси и особенно въ послѣтатарскій періодъ укрѣпило господство вліянія такихъ идей въ русскомъ народѣ; 8) голоса въ защиту надлежащаго пониманія нравственнаго достоинства семейной жизни были слабы и одиноки; 9) власть старшаго члена семьи, возвышенная христіанствомъ и подкрѣпленная византійскими (греко-римскими) узаконеніями въ дотатарскій періодъ, со времени татарскаго ига принимаетъ нѣкоторые образы формы игуменской власти, которой безпрекословно повинуются всѣ младшіе члены семьи; 10) это направленіе въ своемъ крайнемъ развитіи выразилось въ «Домостроѣ».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки